

КОНТРАСТ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ

Ассистент Иргашева Дилноза Махсуджоновна,
Университет Зармед

Аннотация В данной статье рассматриваются основные черты контраста морфемных и словообразовательных систем русского и узбекского языков в аспекте языковой детерминанты, большое внимание уделяется асимметрии формы и содержания в выражении словообразовательных значений, в том числе через систему словообразовательных категорий.

Ключевые слова: словообразование, компаративистика, психолингвистика, социолингвистика, морфемика, сравнительно-типологическое языкознание, разносистемные языки, детерминанты.

Annotation This article examines the main features of the contrast between the morphemic and word-formation systems of the Russian and Uzbek languages in the aspect of language determinants. Special attention is paid to the asymmetry of form and content in the expression of word-formation meanings, including through the system of word-formation categories.

Keywords: word formation, comparative linguistics, psycholinguistics, sociolinguistics, morphemics, comparative typological linguistics, multisystem languages, and determinants.

Морф и морфема являются также минимальными единицами словообразовательного уровня, таким образом реализуется связь морфологического и словообразовательного уровней. Как известно, в морфологии изучаются прежде всего словоизменятельные морфемы – флексии, а в словообразовании – словообразующие морфемы, представляющие собой основу формантных средств языка». ¹

Задачей сопоставительного анализа морфемики и словообразования русского и узбекского языков является описание и сравнение морфемных систем данных языков во всем их объеме, и в части соответствия типологической детерминанте, и в части отступления от нее, что требует подробнейшего изучения морфемики и словообразования сопоставляемых языков. «Минимальной единицей морфологии считается морф – минимальная единица плана содержания, которую можно соотнести с планом выражения. Однако следует учитывать, что в пределах отдельных ярусов языковые единицы «раздваиваются» на абстрактные единицы (единицы «эмического» плана) и единицы реализации – конкретные единицы (единицы «этического» плана). Поэтому минимальными единицами морфологии являются морф и морфема, причем морфы представляют собой единицы реализации морфем.

Наиболее существенными чертами контраста морфемных систем русского и узбекского языков нам представляются следующие:

1. В русском языке основным способом выражения грамматических значений является флексия, которая характеризуется свойствами многозначности, синтаксичности и представленности в виде парадигматических комплексов. Такого класса морфем в узбекском языке нет.

2. Для русского языка продуктивными являются как посткорневые (суффиксальные и немногие постфиксальные), так и предкорневые (префиксальные) морфемы. В плане морфемной структуры очень важна распространённость в русском языке не только посткорневых (постфиксальных в широком смысле), но и префиксальных морфем (приставок), прежде всего глагольных. Это представляет собой важную типологическую черту, однако это определенное отклонение от языковой детерминанты, поскольку приставки соединяются не с основами, а с лексемами по принципу техники сопологания.

В узбекском языке префиксальные морфемы представлены небольшим количеством заимствованных морфем персидско-таджикского происхождения, играющих, однако, важную роль в образовании имён и представляющих собой интересный объект изучения в плане сопоставления с русскими именными приставками. Принципиально важно, что в узбекском языке отсутствуют глагольные префиксы (приставки) как класс морфем, что неразрывно связано с категорией вида и набором СК глаголов.

Как известно, большинство русских приставок по происхождению связаны с предлогами. Это является ещё одной яркой чертой типологического контраста русского и узбекского языков, шире – славянских и тюркских языков. В последних нет такого класса служебных слов, как предлоги, с ними частично коррелируют послелогии, то есть «особый разряд слов, служащий для выражения инструментальных, целевых, причинных, временных, пространственных, направительных, уподобительных и др. отношений между именами или между объектом и предикатом. Послелогии ставятся после управляемого слова»². Хотя префиксация не относится к числу продуктивных для тюркских языков словообразовательных формантов, немногочисленные заимствованные префиксы узбекского языка демонстрируют очень интересные черты типологического контраста по отношению к русскому языку.

«Одним из частных, но существенных отличий в словообразовании частей речи узбекского языка является возможность транспонирующей функции приставок, например: маза (вкус) – бемаза (невкусный, безвкусный), макр (хитрость) – бемакр (бесхитростный, простодушный), фойда (польза, выгода) – бефойда (бесполезный)... Следует однако, учитывать, что существительные и прилагательные в тюркских языках не столь резко противопоставлены, как в русском языке.

Сопоставление антонимии наречий в русском и узбекском языках требует специального рассмотрения, так как наречия двух языков совершенно по-разному соотносятся с кардинальными частями речи (существительными, прилагательными, глаголами)»³.

Само понятие флективного языка предполагает наличие флексии и её противопоставление деривационным морфемам; это противопоставление проводится по следующим линиям:

- Флексии многозначны, т.е.. подобно фонемам, заключают в себе пучок дифференциальных (но только семантических) признаков, например: *доска – доску – досками*. Здесь противопоставление флективных форм выражает род, число, падеж.

В агглютинативных языках падежные показатели семантически отделены от других служебных аффиксов, они стабильны и однозначны. Например, узбекская словоформа *болаларимизга* имеет в своём составе три аффикса: *-лар-* показатель множественного числа, *-имиз-* – показатель притяжательности. *-га* – показатель того падежа, который по традиции называют дательным, но он может быть назван и направительным.

- Флексии синтаксичны, т.е. они, по школьному определению, служат для связи слов в предложении, осуществляя согласование по роду, числу и падежу основных частей речи: существительных, прилагательных и глаголов (формы рода релевантны для глаголов прош. времени и сослагательного наклонения).

- С флексиями связаны многочисленные морфонологические явления на морфемном шве (чередование, усечение, наращение) и любые их комбинации.

- Флексии, сопровождая конечные суффиксы основы, как определенные, обычно строго избираемые комплексы, фактически участвуют в процессах словообразования. Именно поэтому во флективных языках выделяются нулевые суффиксы (наряду с нулевыми окончаниями). Термин «нулевой

суффикс» – это одна из моделей описания роли флексии в словообразовании флективных языков. А.А. Реформатский прямо указывает, что для «многих индоевропейских, и в частности, для славянских, языков характерно <...> то явление, что флективные постфиксы одновременно выполняют роль словообразовательных формативов. Такие функциональные аффиксы можно назвать суффикс-флексиями»⁴. Как известно из истории языка, древние индоевропейские флексии были способны выполнять роль словообразовательных формантов.

- Для флексий индоевропейских языков характерны много-многозначные отношения, т.е. одна флексия может выражать разные значения, и напротив, одно и то же значение может быть выражено разными флексиями, например: **дом отца (Р.п.) - вижу отца- вижу сестру- вижу сестер (В.п.) - нет сестер (Р.п.)** и т.д. Это ведёт к широко развитой синонимии, вариантности, омонимии флексий.

Для узбекского языка с его строгой, логичной системой, нацеленной на выражение одно-однозначных соответствий между планом содержания и планом выражения такие отношения в целом не характерны: узбекские, как и вообще тюркские падежные показатели характеризуются однозначностью.

«Обилие и разнообразие суффиксов в системе русского словообразования является одной из отличительных контрастивных особенностей русского языка, свидетельствующей о богатстве его словарного состава»⁵. Дело, однако, не в богатстве словарного состава, так как в языке любого типа необходимая номинация осуществляется тем или иным способом, а в самой организации лексики и грамматики.

Э.М.Ахунзянов указывает на большую специализированность и дифференцированность русских аффиксов, на их позиционное распределение как в семантическом, так и в формальном плане. «Различие в способах

аффиксации является одним из существенных контрастивных различий в системе словообразования в русском и татарском языках»².

Это положение можно распространить и на узбекский язык, однако ещё более существенно, на наш взгляд, общее определение статуса посткорневой словообразующей морфемы тюркских языков. Суффикс во флективных языках, в частности, в русском, является двусторонне связанной морфемой, занимая позицию между корнем и флексией или другим суффиксом (исключение составляют наречия). Эта позиция “обязывает” суффиксы сопрягаться с системой флексий и участвовать в выражении грамматических категорий. Поэтому суффиксы имён и глаголов имеют разное строение: именные суффиксы, либо состоят из согласного либо имеют исход на гласный (-к(а), -ни-, -оват-, -ск-, -тель-). глагольные суффиксы либо состоят из согласного, либо имеют исход на гласный (-е-, -а-, -нича-, -ствова-, -ну-), естественно, по отношению к основе инфинитива. Суффиксы разных частей речи - разные совокупности, т.е. выделяются суффиксы существительных, прилагательных, глаголов, наречий.

Как известно, русский язык в области словоизменения и словообразования характеризуется множественностью и практической обязательностью морфонологических преобразований (МФП), вследствие чего описание русской морфемики усложняется за счёт необходимости отражения МФП основ и описание незначимых структурных единиц (по терминологии А.Н. Тихонова).

Для узбекского языка как агглютинативного характерно чёткое морфемное строение, сравнительно лёгкая вычленимость стабильных в формальном и семантическом отношении корней и аффиксов, однако, вследствие идиоматичности производных слов, наличие лексем с затрудненной членимостью не исключено.

В русском языке как флективном широко представлена асимметрия формы и содержания в морфемной и словообразовательной системах.

1. Это проявляется прежде всего в наличии нулевых окончаний и суффиксов, например: лес□ – лес(а), вод(а) – вод□, жена – жён□; разливать – разлив□, бегать – бег□, тихий – тишь□, супруг – супруг(а), кум□– кум(а) и т.д.

2. В русском языке существует большое количество слов со связанным корнем (например, **обу-ча-ть, раз-уз-нать, эго-ист, эго-изм, от-ня-ть, принять, изо-ли-ро-вать, изол-атор, изол-ация** и под.). Связанный корень принято называть радикасом. В узбекском языке корень, как и аффиксы, стабилен в семантическом и формальном отношении.

3. Ярким свидетельством асимметрии формы и содержания русских лексем является наличие лексем непервой степени членимости, ср. **учитель – учительница, студент – студентка** (I степень членимости, т.к. слово легко членится и по линии корня, и по линии форманта, в данном случае имеющем значение женскости), почта – почтамт, стекло – стеклярус (II степень членимости, так как корень вычленяется легко, а семантика аффикса неясна), говядина, буженина (III степень членимости, поскольку аффикс указывает на значение вещественности, а семантика корня без аффикса неопределенна). «Большой проблемой в плане определения производности в русском словообразовании были слова типа **калина, малина, смородина, настух, ячмень, мусор, буженина, птица, эгоист, белесый, курносый, почтамт, стеклярус**. Эти слова объединяются в ряды по аффиксоподобному отрезку (**калина, малина, смородина, брусника** содержат так называемый «ягодный» суффикс, на самом же деле это один из показателей СК «вещественность»), причем отсутствует производящее слово, либо формант имеется, но формант представляет собой уникальное образование с неясным значением (**ячмень, почтамт, стеклярус, курносый**).

Обычные производные составляют первую, образцовую степень членимости, а остальные распределяются по более низким степеням членимости. В русистике выделяется «от трёх до двенадцати степеней членимости (например, весьма низкую оценку получает членимость таких слов, как *ячень, воробей, соловей* и под.). Однако в принципе степеней членимости три: 1) членимость обычных производных слов; 2) членимость слов с уникальным аффиксом, но вполне ясным корнем; 3) членимость слов с унирадиксоидом, т.е. связанным и уникальным корнем.

По отношению к узбекскому языку нет необходимости выделения особого подкласса членимых слов: как правило, членимые на корень и аффикс слов являются производными. Для узбекского языка как агглютинативного характерно чёткое морфемное строение, сравнительная лёгкая вычленимость стабильных в формальном и семантическом отношении корней и аффиксов.

4. Ещё одной чертой типологического контраста является широкая представленность в русском языке и отсутствие в узбекском языке комплексных словообразовательных аффиксов, представляющих собой сочетание префикса и суффикса, например: *на-коленн-ик, со-бесед-ник, пред-гор-ј(e), за-реч-ј (e)*, префикса и постфикса, например: *на-бегать-ся, рас-тревожить-ся, про-гулять-ся*.

Наличие нулевых морфем, связанных корней, слов непервой степени членимости объясняется монолитностью русской лексемы, высокой степенью слитности и тесным взаимодействием корней, аффиксов и флексий, что характерно для фузионного характера соединения морфем в словоформе. Этому способствует практическая обязательность морфонологических преобразований при словоизменении и словообразовании (чередований гласных и согласных на стыке морфем и в корне, усечений, наращений, перемещения ударения).

Стабильность корневой морфемы в тюркских языках проявляется в односложности и трезвучии корневой морфемы, причём преобладающее число основ представлено односложным корнем, состоящим из согласного – гласного – со гласного. Тюркский корень стабилен и самостоятелен, он в принципе не нуждается в морфемном оформлении для введения в предложения (если не надо обо значить косвенный падеж, притяжательность и т.д.). Корни индоевропейских языков, особенно глагольные, как правило, нуждаются в морфемном оформлении, отчего даже выделена категория основообразующих суффиксов (например: *лов-и-ть, тер-е-ть, кол-о-ть*).

Флексии русского языка выполняют не только грамматическую функцию, они играют большую роль в процессах словообразования, так как являются обязательной составной частью суффиксального форманта или выступают в качестве самостоятельного форманта при субстантивации и нулевой суффиксации. Морфем такого класса в узбекском языке нет, в нём чётко разграничены слово изменительные и словообразовательные морфемы. Строго говоря, в узбекском языке нет и суффиксов как морфем, промежуточных между основой и флексией; называть посткорневые словообразовательные морфемы узбекского языка суффиксами терминологически неточно, лучше использовать термин «постфикс». Этот термин утвердился в русском языкознании по предложению В.В. Лопатина по отношению к аффиксу *-те* (*пойди-те, получи-те, кинь-те*), который, в отличие от флексий, является однозначным и присоединяется к основе именно по технике сопологания, без МФП; можно считать, что это аналог узбекского аффикса *лар* с тем же значением множественного числа, но только узкой функциональной сферы: выражение множественного числа в повелительном наклонении глагола.

К постфиксам относится также формант возвратных глаголов *-ся/-сь* (*остать-ся, занять-ся, займи-сь, подкрепи-сь*), а также своеобразные аффиксы неопределённые местоимения *-то, -либо, -нибудь*.

В русской морфемике постфиксы – это «отклонения» от языковой детерминанты, однако в узбекской морфемике практически весь аффиксальный фон соответствует принципу однозначности и технике сопологания. По сложившейся традиции постфиксальные деривационные морфемы узбекского языка называются суффиксами, а словоизменительные (не всегда) – окончаниями. Это можно рассматривать как своеобразное проявление «индоевропеизма», стремления перенести терминологию одного типа языков на другие. Интересно, что в своём фундаментальном труде А.Н. Кононов избегает термина «суффикс», предпочитая термин более широкого значения «аффикс». Этот же термин использует и З.М. Магруфов в своём своеобразном морфемном словаре (приложение к узбекско-русскому словарю).

Выше уже говорилось о практической обязательности МФП в процессах словоизменения и словообразования и нехарактерности МФП для этих процессов в узбекском языке. Однако, как известно, «чистых» в типологическом отношении языков не существует, и, по мнению проф. Абдуазизова, А.Н. Тихонов сумел показать, что и в узбекской морфемике наблюдается определенная вариантности морфем, чередования корней и аффиксов. Он написал в морфемном словаре узбекского языка показаны все варианты морфонологических чередований в аффиксах.

Своеобразная морфонология узбекского словообразования ещё ждёт своего подробного исследования, однако можно утверждать, что это морфонология иного типа, чем, например: морфонология славянских языков, так как при любом типе преобразований границы корней и аффиксов остаются, как правило, «опознаваемыми», хотя могут наблюдаться и

отступления от этой закономерности: «В некоторых случаях при соединении корневых и аффиксальных морфем их граница подвергается стиранию и образуется новая морфема.

Таким образом, специфика морфемики русского и узбекского языков неразрывно связана со спецификой структуры словоформы (СФ) этих языков. По словам А.А. Реформатского, «основное различие морфемного строения в языках разных типов состоит в том, что агглютинированная лексема в принципе. Это означает распадение любой русской СФ (кроме СФ неизменяемых слов), производного и непроизводного, членимого и нечленимого на основу и флексию (в том числе и нулевую), если же учитывать многоступенчатость русского словообразовательного гнезда, это положение можно сформулировать шире: распадение СФ на основную и формантную часть (ср. например: вод-а, водиц-а, водник-□, почтальон-□, бел-ый, беленьк-ий, прозрачн-ый и т.д.).

Список литературы:

1. Иргашева, Д. М. (2025). ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ, СВЯЗАННАЯ С РУССКИМИ РЕАЛИЯМИ. Research Focus, 4(Special Issue 1), 269-271.
2. Вахобова, Р. Ж., & Иргашева, Д. М. (2025). РОЛЬ ЯЗЫКОВОГО ФАКТОРА В РАЗВИТИИ НАВЫКОВ ПРАВИЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ВРАЧЕЙ. Research Focus, 4(Special Issue 1), 94-95.
3. Абдуазизов А.Н., Зализняк А.М., Шереметьева А.Г. Общее языкознание.— Ташкент: НУУз, 2012.— 178 с.
4. Ахунзянов Э.М. Контрастивная грамматика: морфология русского и тюркских языков. — Казань: КазГУ, 1987. — 152 с.
5. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.: АН, 1960. — 446 с.
6. Мамасолиев И.У. Антонимические группировки в русском и узбекском языках: Дисс... канд. филол. наук. — Ташкент: УзГУМЯ, 2011.—169 с.

7. Реформатский А.А. Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Реформатский А.А. Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1987.